

Екатерина Мордвинцева

**АГЕНТСТВО КУПИДОН.
НИТИ СУДЬБЫ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.
М79 Агентство Купидон. Нити судьбы / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет,
2026. – 198 с.

ISBN 978-5-524-00387-4

Я думала, что бездарна. Найти свое призвание было очень непросто, но оказалось, что оно нашло меня само. «Какое?» – спросите вы. Сейчас расскажу...

Хоть путь к самой себе был не простым, но я справилась. И рада представить вам свое детище – брачное агентство Междумирья «Купидон». Мы приходим к тем, кто не влюблен!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00387-4

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

Осенний воздух был густым и влажным, пахнувшим прелой листвой, дымом из труб и далёким, едва уловимым предчувствием снега. Эмма шла по знакомому маршруту от дома к парку, методично пиная опавшие кленовые листья. Они взлетали перед её кроссовками короткими рыжими фонтанами, точно повторяя цвет её собственных распущенных волос.

Сегодня, в свой двадцать второй день рождения, она чувствовала себя не взрослой женщиной, а потерянным ребёнком.

Все её мысли крутились вокруг разговора с отцом, который разорвал привычную тишину их дома всего час назад. Не разговор – битву. И Эмма проиграла её, как всегда.

Она медлила с возвращением, хотя понимала, что это детский, почти издевательский протест. Просто хотелось ещё немного побыть в этом осеннем мире, который был её единственным настоящим домом. На Земле. Там, где нет магии, которая сделала её жизнь такой сложной, даже не принадлежа ей самой.

Воспоминание нахлынуло, яркое и болезненное, как всегда:

Ей девять. Мама, Юлия, сидит с ней на этом же самом диване в гостиной, обняв за плечи. В её волосах, таких же огненно-рыжих, как у Эммы, запутался солнечный луч.

– Видишь, солнышко, – мама водит пальцем по воздуху, и Эмма старательно смотрит, но видит только пылинки, танцующие в свете. – Каждый человек, умеющий любить, оставляет за собой светящуюся ниточку. И где-то там, далеко-далеко, есть вторая половинка, которая тянет за другой конец. Рано или поздно они обязательно встретятся.

– А у нас с тобой есть ниточка, мама? – спрашивает маленькая Эмма. Юлия смеётся, и от её смеха в комнате становится светлее.

– Самая крепкая на свете. Она никогда не порвётся.

Ниточка порвалась. Через восемь лет. Рак не считается с магией или светящимися нитями судьбы. Он оборвал мамину нить резко, жестоко, оставив Эмму и Герхарда на разных концах пустоты.

Эмма тяжело вздохнула, остановившись у перекрёстка. Светофор отсчитывал секунды красным глазом. «Пять, четыре, три...» Она машинально повторяла про себя, как делала всегда, когда нервничала. Этот ритмичный счёт успокаивал.

Смена цвета. Толпа пешеходов хлынула на проезжую часть. Эмма двинулась вместе со всеми, погружённая в себя настолько, что не заметила, как её окликнули.

– Эмма! Эй, Брудс! Проснись!

Высокий темноволосый парень догнал её и, ловко обойдя, встал на пути, заставив резко остановиться. Эмма вздрогнула и едва не ткнула его в грудь острым концом сложенного зонта, который таскала с собой из-за утреннего дождя.

– Бастиан! Чёрт возьми! Я могла тебя поранить!

– Сомневаюсь, – он беззаботно улыбнулся, отбрасывая со лба прядь тёмных волос, растрёпанных ветром. – Я тебя уже минут пять окликаю. Ты была в каком-то трансе. Идёшь и бормочешь что-то про «не вернусь». Что случилось?

Он смотрел на неё своими пронзительными карими глазами – слишком внимательно, слишком знающе. Бастиан Франст был её единственным по-настоящему близким другом, который понимал её странное положение меж двух миров. Сын Джордана Франста, преемника её отца на посту начальника Внешних связей Дариона. Он вырос там, но проводил каникулы здесь, на Земле. Они познакомились в шестнадцать, когда Бастиан помогал ей готовиться к экзамену по истории, в которой она плавала, как щенок в океане. С тех пор он был её якорем.

– Всё в порядке, – буркнула Эмма, стараясь обойти его. – Просто думала.

– О чём? О том, чтобы не вернуться? Куда? – он не отставал, ловя её взгляд.

– Никуда. Забей.

Но Бастиан уже взял её за локоть и мягко, но настойчиво повёл в сторону небольшого кафе с тёплым светом в витринах.

– Давай без этого. Рассказывай. У тебя лицо, как после разговора с призраком. Или с отцом. Что, опять про твоё «будущее»?

Они уселись у окна. Бастиан заказал два капучино и круассан для Эммы, её слабость. Она молча смотрела, как за окном проносились машины, оставляя на мокром асфальте шипящие следы.

– Он отправляет меня на Дарион, – наконец выдохнула она, глядя на друга. – Завтра. Устроил фрейлиной к королеве. Сказал, вопрос закрыт.

Бастиан не ответил сразу. Он отпил глоток кофе, изучая её лицо.

– И?

– И?! – Эмма вспылила, наконец повернувшись к нему. – Я не хочу туда! Это не мой мир, Бастиан! Мой мир – вот он. Школа у метро, этот паршивый колледж, в который он меня засунул, этот дождь, эти дурацкие круассаны! У меня здесь друзья... Ну, ты. У меня здесь воспоминания о маме. Там... Там я никто. Дочь отставного чиновника без капли магии в мире, где магия – всё.

– Ты не никто, – тихо сказал Бастиан. – Ты Эмма Бродс. И на Дарионе ты будешь собой, а не дочерью кого-то. Возможно, отец прав. Ты закончила учёбу год назад и до сих пор не нашла себя. Может, нужно сменить обстановку?

– Ты тоже за него? – в её голосе прозвучала горечь.

– Я за тебя. Но я вижу, как ты топчешься на месте. Ты не хочешь быть юристом, я это знаю. Ты не знаешь, чего хочешь. На Дарионе... Там другие возможности. И, – он сделал паузу, – мы могли бы видеться чаще. Я сейчас большую часть времени там. Налаживаю одно дело.

Эмма сжала губы. Мысль о том, чтобы видеть Бастиана чаще,

была единственным лучиком света в этом мрачном предложении. Но свет был слишком тусклым.

– Я не хочу быть фрейлиной, – прошептала она. – Придворная жизнь, интриги, улыбки сквозь зубы... Это не для меня. Я мечтала...

Она замолчала.

– О чём ты мечтала, Эм? – его голос стал мягче. Она пожала плечами, глядя на свои руки.

– Не знаю. Мама всегда говорила, что нужно найти то, что заставляет сердце биться чаще. Что-то своё. Маленькое, но своё. Как её цветы на подоконнике или её вышивки. Она создавала красоту. А я... Я только потребляю её. Учусь, потому что «надо». Живу, потому что «надо».

– Возможно, на Дарионе ты и найдёшь это «своё», – предложил Бастиан.

– Там магия не только в заклинаниях. Она в воздухе, в воде, в старых камнях. Она может вдохновить.

– Вдохновить? – Эмма горько усмехнулась. – Меня вдохновляет мысль, что у меня нет магии, а у тебя есть? Что я буду вечной «странной землянкой» при дворе?

– У тебя есть кое-что другое, – он улыбнулся. – Упрямство. И ум. И... – Он замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, что Эмма не смогла прочесть.

– И ты сильнее, чем думаешь.

Они допили кофе в тишине. Бастиан проводил её почти до самого дома, до серого четырёхэтажного особняка в тихом районе, который Герхард купил ещё до её рождения. Они шли под одним зонтом, и Эмма невольно думала, как легко и прочно он шагал по мокрому тротуару, в то время как её собственная жизнь казалась таким же скользким и ненадёжным местом.

– Спасибо, – сказала она у калитки. – За всё.

– Я всегда на твоей стороне, помни это, – он сжал её плечо. – Даже если я не всегда говорю то, что ты хочешь услышать.

Он ушёл, а Эмма ещё несколько минут стояла под дождём, глядя ему вслед. Потом, собравшись с духом, вошла в дом.

Тишина в прихожей была гулкой, насыщенной невысказанными словами и обидой. Из кухни доносился запах жареного мяса и звук голосов. Голос отца, низкий и усталый, и голос Эльзы – лёгкий, мелодичный, старательно весёлый.

– Я дома! – крикнула Эмма, снимая мокрое пальто.

В дверном проёме кухни появилась Эльза. Худая, почти хрупкая блондинка с бледной, как фарфор, кожей и тонкими, изящными запястьями. Она была красива в своей холодной, отстранённой манере, как старинная кукла.

– Эмочка, наконец-то! – её улыбка не дотягивала до глаз. – Мы начали волноваться. Иди ужинать, всё остывает.

– Не голодна, – буркнула Эмма, направляясь к лестнице.

– Эмма. – Это был уже голос отца. Герхард Броудс стоял в гостиной, прислонившись к косяку. Высокий, статный, с каштановыми волосами, уложенными с безупречной аккуратностью. Даже дома он выглядел так, будто готовился к аудиенции у короля. В его глазах читалась усталость и то самое упрямство, которое он с лихвой передал дочери. – Зайди ко мне.

Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало как уступка. Эмма кивнула и последовала за ним в кабинет – комнату, пахнущую старыми книгами, кожей и лёгким, едва уловимым запахом озонной магии, который всегда витал вокруг отца.

Он закрыл дверь и жестом предложил ей сесть в кресло напротив его массивного стола.

– Я знаю, что ты злишься, – начал он без преамбулы. – И мне жаль, что это так. Но моё решение окончательно.

– Потому что так хочет Эльза? – вырвалось у Эммы. – Она наконец-то решила избавиться от назойливого напоминания о твоей прошлой жизни?

Герхард вздрогнул, как от пощёчины.

– Эмма! Не смей так говорить. Эльза не имеет к этому никакого отношения.

– Правда? – Эмма вскочила. – А кто всё время нашептывает, что я «бездельничаю»? Кто постоянно сравнивает меня с какими-то её племянницами, которые уже «сделали карьеру»? Она не хочет, чтобы я была здесь! И ты идёшь у неё на поводу!

– Я действую в твоих же интересах! – Герхард тоже поднялся, и его голос зазвенел. – Ты не ребёнок! Пора взять ответственность за свою жизнь! На Дарионе у тебя будет положение, связи, возможности, которых здесь нет!

– У меня здесь есть жизнь! – крикнула Эмма, и её голос дрогнул. – Здесь мамин сад! Её комната! Здесь всё пахнет ей, а не духами из duty-free, которые она, – Эмма ткнула пальцем в сторону кухни, – разбрызгивает везде, чтобы стереть эти запахи!

Наступила тяжёлая пауза. Герхард опустился в кресло, и вдруг он выглядел не строгим отцом, а просто уставшим, поседевшим мужчиной, потерявшим любовь всей своей жизни.

– Я не пытаюсь стереть её, Эмма, – тихо, почти шёпотом сказал он. – Я пытаюсь жить дальше. И хочу, чтобы ты жила. По-настоящему. Не в тени воспоминаний и не в плену собственного страха перед будущим.

Эмма хотела кричать, спорить, но слова застряли у неё в горле. Она видела боль в его глазах – ту самую боль, которую носила в себе. И свою собственную злость ей вдруг стало стыдно.

– Я не вернусь, папа, – прошептала она, но уже без прежней горячности.

– Это не мой путь.

– Твой путь начинается завтра, в девять утра, у портала, – твёрдо сказал Герхард. – Я уже всё согласовал. Багаж соберут службы. Тебе нужно только быть готовой.

Он не стал ждать ответа. Повернулся и вышел из кабинета,

оставив её одну в тишине, нарушаемой лишь тиканьем старинных часов на камине.

Эмма опустила в кресло, обхватив голову руками. Она чувствовала себя загнанной в угол. Мир, который она считала своим, отказывался её держать. А тот, другой мир, манил и пугал одновременно. И сквозь весь этот хаос эмоций проступал один ясный, болезненный образ: улыбка матери, её тёплые руки и вера в то, что где-то там, в будущем, для Эммы тоже найдётся своя яркая, неразрывная нить.

Если бы она только знала, что эта нить уже ждёт её. И что первый шаг к ней будет не в свете придворных свечей, а в пронзительном визге тормозов на мокром осеннем асфальте. Слёзы застилали её глаза, когда Эмма, не выдержав, схватила пальто и вновь выскочила на улицу, не забирая пути.

Она опомнилась, лишь услышав пронзительный визг тормозов на дороге...

Удар был не болью, а внезапным, оглушающим белым шумом. Звук рвущегося металла, хруст стекла, чей-то далёкий, как из-под воды, крик – всё это смешалось в один пронзительный визг, который обрушился на Эмму и тут же стих, сменившись странной, абсолютной тишиной.

Она не чувствовала своего тела. Не чувствовала холодного дождя, падавшего на лицо. Было только странное парение, будто её выдернули из слишком тесной оболочки и отпустили в невесомость.

И потом она увидела. Увидела себя со стороны.

Собственное тело, неестественно скрученное, лежало на мокром тротуаре у самого бордюра. Рыжие волосы, такие яркие на сером асфальте, расплзлись лужей. Рядом стоял на коленях Бастиан – его лицо было искажено ужасом, рот открыт в беззвучном крике.

Он что-то кричал, тряс её за плечо, но Эмма не слышала ни звука. Вокруг уже сгущалась толпа, кто-то звонил в скорую, мигал свет фонарей на мокрой мостовой.

Это было так странно. Не страшно. Любопытно. Как будто она смотрела плохо снятый фильм о чужой жизни.

– Эмма...

Голос прозвучал не в ушах, а где-то внутри, в самой сердцевине её нового, невесомого «я». Он был тёплым, знакомым до слёз.

Она обернулась.

За спиной, в нескольких шагах, словно отфильтрованная из самого тумана и осеннего света, стояла Юлия. Не такой, какой Эмма помнила её в последние месяцы – измождённой и бледной. А такой, какой она была в самые счастливые дни: с сияющими зелёными глазами, с огненными волосами, свободно спадавшими на плечи, в том самом сиреневом свитере, который она так любила. Она улыбалась, и от этой улыбки в том странном, беззвучном мире стало тепло.

– Мама? – Эмма не услышала собственного голоса, но поняла, что произнесла это.

– Девочка моя, – губы Юлии не шевелились, слова рождались прямо в сознании Эммы. – Как ты выросла. Как похожа.

Эмма бросилась к ней, пытаясь обнять, и прошла сквозь неё. Нет, не сквозь. Она слилась с этим образом на мгновение, и волна такой всепоглощающей, чистой любви омыла её, смывая весь страх, всю обиду, всю боль последних лет. Это было похоже на возвращение домой после долгой, изматывающей дороги.

– Я... Я умерла? – мысль Эммы обрела форму, устремившись к матери.

Юлия мягко покачала головой. Её образ слегка колебался, как отражение в воде.

– Нет, солнышко. Это лишь привал. Мост между ударом и выбором. Для тебя ещё не пришло время покидать живых. Ты нужна здесь. Ты нужна там.